

Э.Л. Трикоз
Музей-квартира В.И. Белова

«МЫ ЖИЛИ В ТОМ ДАЛЁКОМ ДАЛЕКЕ...».
К 90-ЛЕТИЮ ПОЭТА ИВАНА ЛЫЦОВА (1934–1994)
ЧАСТЬ 2

Автор статьи впервые дает подробное описание студенческого периода И.В. Лыцова (сокурсника В.И. Белова) и оценку роли Л.И. Ошанина в творческом становлении поэта на материале воспоминаний современников и архивных данных. Материал помогает представить, какой была жизнь студентов во время учебы в Литературном институте имени Горького (1959–1964).

Поэзия, Иван Лыцов, Литературный институт им. Горького, двадцатый век, Лев Ошанин, Василий Белов, Сергей Есенин.

Литинститут (1959–1964)

В 1959 году Иван переезжает из Тюмени в Москву, чтобы начать учиться в Литературном институте им. А.М. Горького. Он поступил туда, несмотря на большой конкурс (48 человек на место). Его сокурсник Василий Белов отмечал, что на курс брали 45 человек, из них было и много ребят из союзных республик: «Человек шестнадцать туркмен, восемь или девять азербайджанцев, один албанец, один монгол, один киргиз...» [1, с. 116].

Лыцов попал в поэтический семинар известного поэта-песенника Льва Ивановича Ошанина (необычное совпадение: Ошанина звали так же, как и «командарма» Ровнина). Он учился на одном курсе с ныне известными писателями Василием Беловым, Геннадием Русаковым, Валентином Ермаковым, Иваном Косиным. Причем был в числе лучших студентов.

Что известно о литинститутской атмосфере того времени? В общежитии были «просторные комнаты на двоих, холлы с телевизорами, кухни и подсобки на каждом этаже, душ...» [15, с. 110]. Писатель Валентин Солоухин вспоминал: «Общежитие бурлило, на каждом курсе свои лидеры, для утверждения достаточно было нескольких приличных стихотворений, иногда щедрого угощения. Возгласы “талантливо!”, “гениально” сыпались как из рога изобилия, Рубцов осматривался, вслушивался, посмеивался. Мерзликин, Лыцов, Передреев, Примеров – эти стояли не на пустом месте. О каждом из них у Николая свое мнение, к их успехам появлялась ревность» [16, с. 183].

Каким был в то время Литературный институт, можно понять и по воспоминаниям поэта и переводчика Василия Федорова, который в те годы учился на Высших литературных курсах и общался с Лыцовым: «Общежитие у студентов Литинститута и слушателей ВЛК одно: огромный семизэтажный дом на Бутырском хуторе. Студенты с нижних этажей частенько поднимались к нам на шестое и седьмое “небо”. Среди них были и очники, и заочники. Запом-

нились смолянин Владимир Фирсов, орловец Дмитрий Блынский, липчанин Иван Лыцов, вологодцы Василий Белов, волгарь Николай Благов, уралец Валентин Сорокин, северянка Ольга Фокина...» [17].

Примечательно, что и Виктору Петровичу Астафьеву запомнилась в 1959–1961 гг. троица Белов, Лыцов, Русаков. Последний вспоминал: «...приходит на ум Виктор Астафьев. Я знал его в том же Литинституте. Он учился тогда на Высших литературных курсах. Курсантам был отведен верхний этаж общежития на Бутырке. Каждому полагалась отдельная комната, стипендия, казавшаяся нам, при студенческой нашей нищете, заоблачной: на ВЛК приходили писатели с уже наработанной репутацией, с этим приходилось считаться.

И.В. Лыцов с сокурсниками.
Общежитие Литературного института им. Горького.
1960-е гг. Из архива семьи поэта

Астафьев нашу троицу почему-то отличал, особенно Василия с Иваном... На наших этажах кипела безалаберная жизнь с вечным поиском трешки на опохмел, с выяснением отношений. С постоянным:

“Старик, ты гений, и я тоже гений”. А он работал. К нам выходил всклокоченный, с еще отсутствующим взглядом и постепенно приходил в себя сердцем, утишался от страданий и горестей своих героев...» [6].

В ходе изучения различных источников выяснилось, что ближний круг сокурсников Ивана Лысцова жил на одном этаже в общежитии, и студенты были так распределены по комнатам: Иван Лысцов жил с Валентином Ермаковым, а Василий Белов с Юрием Ладохой¹. А над ними, на «небе», жили «соколы земли»: Евгений Носов, Виктор Астафьев, Петр Проскурин, Сергей Викулов, Александр Романов, Владимир Сапожников, Петр Борисков.

По опубликованным воспоминаниям удалось установить некоторые фрагменты из жизни студентов того времени, посмотреть на обстановку института глазами современников поэта, узнать об отношениях начинающих писателей друг с другом, преподавателями.

Петрозаводский поэт Иван Костин отмечал: «Мы съехались из разных концов России: Роман Харитонов из Воронежа, Иван Сенников из Новосибирска, Иван Лысцов из Липецка, Николай Касьянов из Омской области, Олег Семко из уральского города Троицка, Василий Белов из Вологды. Белов жил в соседней комнате и часто заходил вечерами. Склонный к полемике Владимир Ляленков вступал с Василием в длительные дискуссии о жизни и литературе, они спорили, кто из современных тогда писателей пишет правдиво, а кто занимается лакировкой...» [7, с. 192].

*Молодые поэты И.В. Лысцов и И.А. Костин.
Литературный институт, 1960-е гг.
Из архива семьи поэта*

Из воспоминаний поэта, переводчика Геннадия Русакова о студенческих годах: «Мы учились в Литинституте на семинаре Льва Ошанина; Белов писал

¹ Отец Дионисий (в миру Юрий Алексеевич Ладоха, 1938–2000) был священником в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы (г. Обнинск), первым настоятелем Храма в честь Святителя Тихона, Патриарха Московского и Всероссийского с 1992 по 2000. Похоронен около алтаря этого храма.

Василий Белов в воспоминаниях о Шукшине так о нем написал: «Юрий Ладоха, рожденный в тюрьме, занимался в ту пору йогой и часто в прямом смысле стоял на голове. По окончании учебы он стал православным священником...» [1].

стихи и донимал Льва Ивановича страстными тирадами о судьбе вологодского крестьянства... Мы тогда держались плотной тройкой Вася Белов, Ваня Лысцов и я...» [6].

Среди самых бойких и заметных в группе был Иван Лысцов. Подтверждение этому находим и в воспоминаниях Василия Белова «Тяжесть креста»: «Раз в неделю я посещал семинар Льва Ошанина, где мы обсуждали друг друга. Лидировали Гена Русаков, Ваня Лысцов, азербайджанец Фикрет Годжа, горноалтаец Паслей Самык. Вроде не на последнем счету числился и аз грешный с Валей Ермаковым...» [1].

В своей книге «У родных берегов» упомянутый поэт В. Ермаков² рассказывал замечательную студенческую историю: «...на первом занятии оказался корреспондент газеты “Московская правда”. По рекомендации Ошанина он фотографирует Василия Белова, Ивана Лысцова и меня. А через день в столице традиционный праздник – День поэзии.

Нас троих пригласили для участия в разные книжные магазины. Спешу на выступления в радостном волнении, а в газетных витринах с полосы “Московской правды” смотрят наши портреты, в газете напечатаны наши стихи, моих – два, Белова и Лысцова – по одному. Строчка моих стихов “Чтоб каждое слово в поэме звенело” набрана крупно, общей шапкой. Потом Ваня Лысцов будет шутить: “Все мы вышли не из „Шинели“ Гоголя, а из стихов Вали Ермакова”» [5, с. 14].

В малоизвестном автобиографическом очерке В.И. Белова «Филипок» эмоционально и образно описывается первая студенческая весна 1960-го, которая запомнилась автору не только первым гонораром, но и опасным для жизни спором 28-летнего Белова с 26-летним Иваном Лысцовым: «Студенческая жизнь подхватила меня как река, закрутила в литературном водовороте, понесла неизвестно куда, неудержимо и радостно. В те дни меня не покидало счастливое состояние полного безрассудства, романтической отрешенности и неосознанной жажды какого-то предстоящего подвига.

Был я молод, здоров, женат... Да, я был, пожалуй, что счастлив в тот март, в тот 1960 год, первый московский год моего студенчества <...> я ощущал себя счастливым и безрассудным. Разве не безрассудно было на спор пробежать туда и обратно вдоль стены нашего шестиэтажного общежития, с крыши которого скалывали глыбы льда? Такие эти глыбы летели сверху с перерывами в одну-две минуты, они падали вместе с золотой великолепной каплей как будто прямо из ослепительно-голубого неба, пронизанного божественным солнцем...

Но в дурацком споре с самим собою как раз в тот мартовский день я хотел убедиться, что я не трус. На пари с однокурсником Ваней Лысцовым я несколько раз пробежал под ледяными обломками, падающими с голубого и вечного неба» [2, с. 114–115]. Белов выиграл в этом споре.

О чем эта история, если не просто о безрассудстве студентов? Об открытости и спонтанности в кругу друзей, о потребности в быстром успехе среди своих, неоправданной амбициозности, о готовности идти на

² После окончания Литературного института жил в Обнинске.

риск ради утверждения своего «я», об упоении общением с единомышленниками.

О дружбе с Василием Беловым

Лысцов познакомился с Беловым в Литинституте и на протяжении более чем трех десятилетий держал с ним связь. Давней дружбой объясняется их общение на «ты».

Известно дружеское лысцовское «Послание Василию Белову», написанное в год выхода повести «Привычное дело» – в 1966-м. Зная о трудностях публикации текста и переживаниях прозаика, Иван Васильевич написал:

А нам и славы-то не надо,
Как пересуда ни о ком:
Само себе и то награда,
Какие песни мы поем,

Какие думы привечаем,
К каким привязаны речам,
Какие зори где встречаем
И видим звёзды по ночам... [10, с. 312].

В стихотворении Василий Иванович назван «сотоварищем славным» и «безнадежно вологодским»: после окончания столичного вуза вернулся на родину, стал писать о деревне ее языком, герои рассказов и повестей – люди из родной глубинки. И будто неслучайно в послании употребляется неологизм «кибернетик», означавший в то время специалиста редкой профессии. «Привычное дело» в конце 1960-х приняли все – и лирики, и физики, и «даже те, кто терпеть не мог деревню ни в литературе, ни в жизни», как позже скажет Федор Абрамов.

И все желанней, первозданней
У кибернетика в груди
Тоска по песням деревянным,
Как эти спорые дожди.

И ты, мой сотоварищ славный,
Как и вчера, не измени
Той песне древней, самой главной
И в наши атомные дни (Там же, с. 313).

Лирическое послание заканчивается призывом оставаться преданным своим корням, земле, несмотря на перемены, уготованные цивилизацией и техническим прогрессом. Лысцову был очень близок этот мотив. Из стихотворения «Чувство земли» 1966 года:

Видно, крепко в крестьянской душе то начало,
Что сегодня назвали мы чувством земли,
Без какого и в космосе нету причала
И дорогу домой не найдут корабли...

...Не ложитесь, мальчишки, на самом закате:
Берегите сердца материнские, но
Вместе с солнцем, когда подрастете, вставайте –
Эту дивную землю блюсти заодно! [12, с. 86]

К слову, в этом стихотворении говорится о том, почему нельзя ложиться на закате, даже если сильно клонит в сон. А у Белова одна из ранних неопубликованных пьес так и названа «Не спи на закате». Возможно, еще в пору студенчества друзья обсуждали народные поверья, и каждый по-своему осмыслил их сакральный смысл.

После учебы в Литературном институте друзья обменивались книгами, переписывались и встречались в Москве. Из письма 1973 года: «До сих пор помнится наша мимолетная встреча в ЦДЛ. Прошел, видимо, год, а словно бы – час... Шлю тебе в дар обещанные тогда две свои новые книжки. Вася, ты для меня высший суд и совесть: прочти и отпиши... правду. Постегай меня покрепче – мне это лишь на пользу...»³.

С этим же письмом были отправлены сборники 1971 года «Узы» и «Стезя»⁴, последний – с подписью: «Василию Белову, самому дорогому другу, чистому роднику нашей русской словесности с братской любовью Иван Лысцов 22.2.73». Обе книги сейчас хранятся в фонде Музея-квартиры В.И. Белова.

В Государственном архиве Вологодской области сохранились два письма поэта «дорогому другу». В них он обращается к Белову с просьбами: в письме 1973 года – рекомендовать молодого прозаика Вячеслава Горбачева в Союз писателей СССР, в письме 1989-го – помочь получить жилье в Москве скульптору-фронтовику Федору Васильевичу Викулову. Иван Васильевич обращается именно к Белову потому, что его «имя веско и любимо в Москве» и прозаик и депутат Верховного Совета СССР «на большом теперь виду – от программы “Время” до публикаций и фотографий... в прессе» (из писем ГАВО). Была ли помощь со стороны В.И. Белова, пока не установлено.

Из письма 1989 года узнаем и о такой детали из студенческой жизни писателей: молодые Белов и Лысцов были в одном «Союзе лаптежников» вместе с Леонидом Мерзликиным (см. письмо от 30 октября 1989).

Надо отметить, что Иван Лысцов поддерживал связи не только с вологжанином Василием Беловым, но и с его писательским окружением. В Вологде – областном музее и библиотеке – сохранились книги с инскриптами И.В. Лысцова, адресованными поэту А.Я. Яшину и критику В.А. Оботурову.

В сборнике «Благодарствую, жизнь!» из коллекции Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника сохранилась дарственная надпись: «Александр Яковлевичу Яшину, творчество которого люблю с колыбели, на доброе знакомство с парнем от бунинской Руси, – чистосердечно Ив. Лысцов. 9 XI 66 г.» [4, с. 235].

В книге «Празднество» критику, литературоведу, общественному деятелю, в то время ответственному секретарю Вологодской писательской организации Лысцов оставил следующее послание: «Василию Оботурову с благодарностью за дружбу, за солидарность – на жизнь, на творчество, на празднества, с

³ ГАВО. Ф. Р-5134. Оп. 1. Д. 218. Л. 1–3.

⁴ КБИАХМ МКБ КП-1797 Б-1715.

пожеланиями здоровья на долгие времена! Сердечно – автор 26 сент. 1984 год»⁵.

Лев Ошанин

За пять лет учебы Лев Ошанин успевал разглядеть каждого студента, увидеть талант и направить ученика в нужное русло. И это было частью его педагогического труда в институте: по долгу службы он писал рецензии на дипломные работы подопечных, характеристики, рекомендации и вступительные статьи к их поэтическим сборникам. К примеру, им было написано предисловие к первому сборнику прозы В.И. Белова. Именно он подсказал студенту Василию Ивановичу обратиться к прозе, а спустя годы, по профессиональным оценкам, самой удачной и сильной оказалась лирическая беловская проза малых жанров. Как Ошанин почувствовал, что проза даст больший простор для беловской метафоры и накопленных жизненных сюжетов, которые просились на бумагу?

Крутой⁶ характер Ивана Лысцова, пылкий ум и острый язык, внешнее обаяние и умение воздействовать даром слова, поэтическая плодотворность, переходящая из количества в качество, – это сразу увидел Лев Иванович. Да и сама доинститутская биография была ярким свидетельством того, что в творческую профессию «увлекающийся» Лысцов пришел именно за поиском «высшей истины», выплеска своего богатого багажа впечатлений, реализации идеалистической устремленности в будущее, за поиском «густого» и ясного языка поэзии. Сил для веры в свои стихи, для самоутверждения в кругу единомышленников у Ивана Васильевича было в то время достаточно.

Стихи конца 1950–1960-х гг. пестрили словами из разных говоров. За это Лев Иванович журил своего студента, отмечая, что разобраться в своем словарном запасе ему пока трудно⁷. А в Лысцове тот цветастый язык жил и вырывался наружу, как и образы, подаренные путешествиями по стране⁸.

Иван Васильевич знал много необычных народных слов и выражений, с которыми не мог расстаться, потому что они стали частью его самого, его внутренних образов, поэтому в одном тексте могли встречаться слова из южных, сибирских, уральских диалектов. Не случайно поэт и критик Сергей Мнацаканян говорил о И.В. Лысцове, что он писал «на словаре Даля» [13].

А Лысцов любил говорить и писать на языке своих дедов: «...в каждой былинке, в каждом, ненароком оброненном крестьянкой или рабочим щедром переливчатом слове я учусь распознавать душу земли, угадывать народную мудрость». Художник утверж-

дал, что «поэзия... должна быть кровно связана с незамутненными источниками родимой речи, родного языка» [8, с. 8–9].

Многие слова в текстах молодого поэта были непонятны не только читателям, но даже и некоторым профессиональным столичным литераторам. Безусловно, чтобы их понимать, нужен богатый словарный запас или развитое языковое сознание, способное зреть в корень. Впрочем, когда-то и Сергея Есенина ругали за его непонятный язык с «рыхлыми драченами», без которого невозможно воссоздание в стихах избяного космоса, «дремойтны млы» крестьянина.

Не раз Л.И. Ошанин обращал внимание студента на малоизвестные многим народные слова в его ученических стихах, на предпочтительность общеизвестной литературной лексики, предвидя в будущем возможные нападки критиков и литературоведов. Но молодой Иван неотступно раскапывал колодцы «тайн прошлого», отыскивая «душу земли» и точное слово в народных глубинах. Поэт считал: «Поурунили / слово русское! / А то, которое в ходу, / Оно в плечах такое узкое, / Что не узнать и на виду...» [11, с. 87].

Его поэтический язык в конце 1960-х называли стилизацией, далекой от подлинной народности, «типичной “клюевщиной”» (цитата литературоведа В.В. Кожинова). В 1970-е литературовед Л.А. Озеров возмущенно писал об авторской поэтической книге «Стезя»: «На каком языке это написано? Что взято в основу речи? Глагол “перебабилися”⁹, этот неологизм, отдает мертвой литературщиной... Иван Лысцов сейчас на такой стадии своей работы, когда ему необходимо взгляд со стороны, подсказка критика» [14, с. 261]. Кроме этого, Озеров видел в поэзии И.В. Лысцова возрождение «заумного языка футуристов».

Единомышленники и сокурсники поэта объясняли особенности авторского стиля влиянием творчества С. Есенина, которым все переболели как раз в годы учебы в литинституте. Тюменский писатель и журналист Николай Денисов вспоминал: «В пору моей учебы в Литературном институте многие первокурсники, особенно те, что родились и выросли в деревне, признавали за истинного поэта едва ли не одного Сергея Есенина. Преподаватели нас убеждали, что существует и другая великая поэзия, но Есенин был для нас первым среди великих.

Николай Рубцов, что учился двумя курсами старше, написал в те годы стихи о Есенине, они заканчивались такой строфой: «Эта муза не прошлого дня, / С ней люблю, негодую и плачу. / Много значит она для меня, / Если сам я хоть что-нибудь значу» [3, с. 4].

И Ивану Васильевичу Есенин был близок, молодой поэт во многом ему подражал, кроме прочего, по замечаниям современников, художники были похожи внешнею и характером.

Надо сказать, что исследование идиостиля И.В. Лысцова было и остается недостаточным, чтобы объективно оценить особенности его поэтической речи.

⁵ Сборник из фонда Вологодской областной универсальной библиотеки.

⁶ См. творческую характеристику студента Ивана Лысцова, написанную Л.И. Ошаниным в 1961 году: место хранения – Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина. ГК 29337497. ГЦТМ КП 335699/184.

⁷ «У него богатейший запас народных, областных слов, всевозможных диалектизмов, но разобраться в нем ему еще трудно». Там же.

⁸ О творческих поисках студента см. рецензию Ошанина Л.И. на дипломную работу И. Лысцова – студента Литературного института им. А.М. Горького. С авторской правкой и пометами. 17 февраля 1964 г. ГК 33787966. ГЦТМ КП 335912/222.

⁹ Здесь диалектизм назван неологизмом. Возможно, потому, что критик не знал такого народного слова, которое сейчас включено в диалектологические словари, в том числе в Словарь русских народных говоров.

В литературно-критических журналах встречались как положительные, так и отрицательные отзывы о языке лирика, однако лингвопоэтическим анализом текстов И.В. Лысцова никто не занимался, а поэт, по мнению писателя И.Н. Шевелевой, «сберег в своем горячем сердце заветнейшие чувства и лучшие русские слова. Они перешли в его книги, названия которых звучат песнями для русского слуха, окрыляют нас отсветом красоты и гармонии: “Добрые облака”, “Золотёна”, “Благодарствую, жизнь!”, “Диво”, “Сердолик”, “Доля”, “Узы”, “Стезя”, “Весть”, “Страда”, “Согласие”, “Принесение даров”, “Голос ветра”, “Празднество”, “Белые хлебы”, “Происхождение”, “Птица Феникс”, “Лунница”» [18, с. 260].

Литература

1. Белов, В. И. Тяжесть креста: Воспоминания о В. М. Шукшине / В. И. Белов. – URL: <https://www.booksite.ru/belov/interview/12.htm> (дата обращения: 20.03.2024). – Текст : электронный.
2. Белов, В. И. Филипок (из автобиографической рукописи) / В. И. Белов // Светлые души : сборник прозы. – Вологда, 2006. – [Вып. 2]. – С. 111–123.
3. Денисов, Н. Божественный свет поэта / Н. Денисов // Литературная Тюмень. – 1995. – № 4 (26) – С. 4.
4. «Дорогим, нежно любимым Яшиным...»: библиотека Александра Яшина и членов его семьи в автографах и дарственных надписях : каталог / Вологодская областная универсальная научная библиотека имени И. В. Бабушкина ; Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник ; Никольский историко-мемориальный музей А. Я. Яшина. – Вологда, 2013. – 520 с.
5. Ермаков, В. М. У родных берегов / В. Ермаков. – Обнинск : Технограф, 2004. – 87 с.
6. Игрунова, Н. «Ни от чего нельзя отказываться...»: интервью с Геннадием Русаковым / Н. Игрунова // Дружба народов. – 2008. – №8. – URL : http://www.litkarta.ru/dossier/igrunova-rusakov-interview/view_print/ (дата обращения: 2.03.2024). – Текст : электронный.
7. Костин, И. Судьба мне подарила и муки, и радости / И. Костин // Север. – 2012. – № 9. – URL: <https://litbook.ru/article/5005/> (дата обращения: 15.02.2024). – Текст: электронный.
8. Лысцов, И. В. Страда / И. В. Лысцов. – Москва : Современник, 1974. – 141 с.
9. Лысцов, И. В. Празднество: стихотворения / И. В. Лысцов. – Москва : Советская Россия, 1983. – 166 с.
10. Лысцов, И. Послание Василию Белову / Иван Лысцов // Харовск : краеведческий альманах / Администрация Харовского муниципального района Вологодской области, Вологодский государственный педагогический университет, Харовский историко-художественный музей. – Вологда, 2004. – С. 312–313.
11. Лысцов, И. В. Поурунили слово русское... / И. В. Лысцов // День поэзии. – Москва : Советский писатель, 1965. – С. 87.
12. Лысцов, И. В. Чувство земли / И. В. Лысцов. // День поэзии. – Москва : Советский писатель, 1966. – С. 86.
13. Мнацаканян, С. Рваное время / С. Мнацаканян. – URL: <http://www.rogdestvenskij.ru/8.html> (дата обращения: 01.02.2024). – Текст : электронный.
14. Озеров Лев. Ученные восторги / Л. А. Озеров // Новый мир. – 1974. – № 5. – С. 261. – URL: https://imwerden.de/pdf/novy_mir_1974_05__ocr.pdf (дата обращения: 20.02.2024). – Текст : электронный.
15. Сафонов, В. Николай Рубцов. Повесть памяти / В. Сафонов // Воспоминания о Николае Рубцове. – Вологда, 1994. – С. 110. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/vosporub/text.pdf> (дата обращения: 2.02.2024). – Текст : электронный.
16. Солоухин, В. Воспоминания о Николае Рубцове / В. Солоухин // Воспоминания о Николае Рубцове. – Вологда, 1994. – С. 183. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/vosporub/text.pdf> (дата обращения: 4.02.2024). – Текст : электронный.
17. Федоров, В. Бойцы моей земли (Встречи, раздумья). – Москва : Современник, 1973 год. – URL: <https://itexts.net/avtorvladimir-fedorov/255736-boycu-moej-zemli-vstrechi-i-razdumya-vladimir-fedorov.html> (дата обращения: 15.02.2024). – Текст : электронный.
18. Шевелева, И. Судьба русского слова / И. Н. Шевелева // Молодая гвардия. – 1991. – № 7. – С. 257 – 263. – URL: <https://archive.org/details/B-001-028-249-1991-07-PDF/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 14.03.2024). – Текст : электронный.

E. L. Trikoz

“WE LIVED IN THAT DISTANT TIME...”. THE 90TH ANNIVERSARY OF THE POET IVAN LYSTSOV (1934–1994) Part 2

The author of the article for the first time gives a detailed description of the student period of I.V. Lyssov (a fellow student of V.I. Belov) and assesses the role of L.I. Oshanin in the creative formation of the poet based on the memoirs of contemporaries and archival data. The material helps to imagine what the students' life was like while studying at the Gorky Literary Institute (1959-1964).

Poetry, Ivan Lystsov, Literary Institute named after Gorky, Lev Oshanin, Vasily Belov, Sergey Yesenin.